

Елизавета Дмитриева.
Фото 1912 г.

Внизу:
Театр. Худ. Константин Сомов.
1907 г.

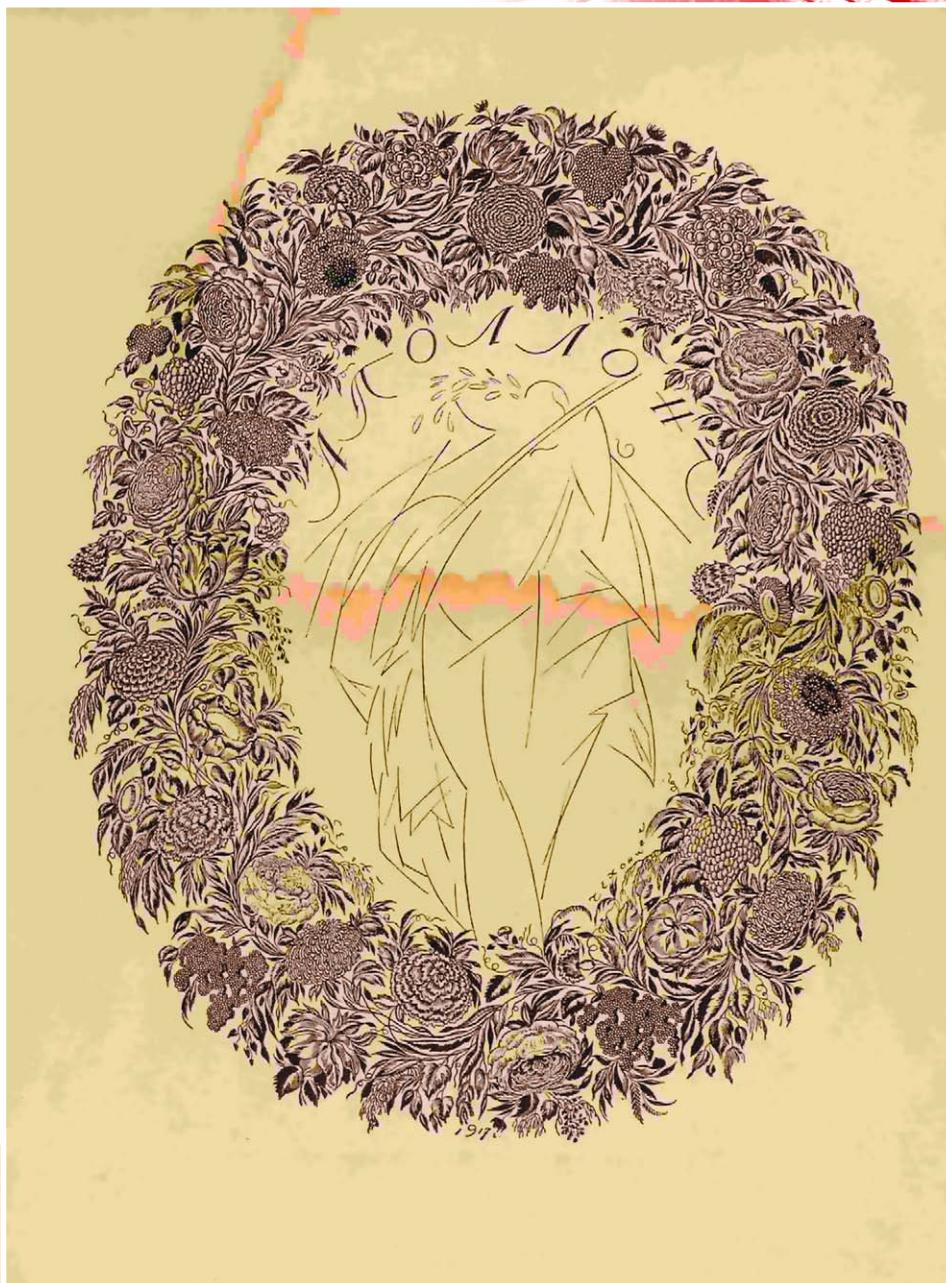
Черубина де Габриак: миф Серебряного века

Ирина Винокурова

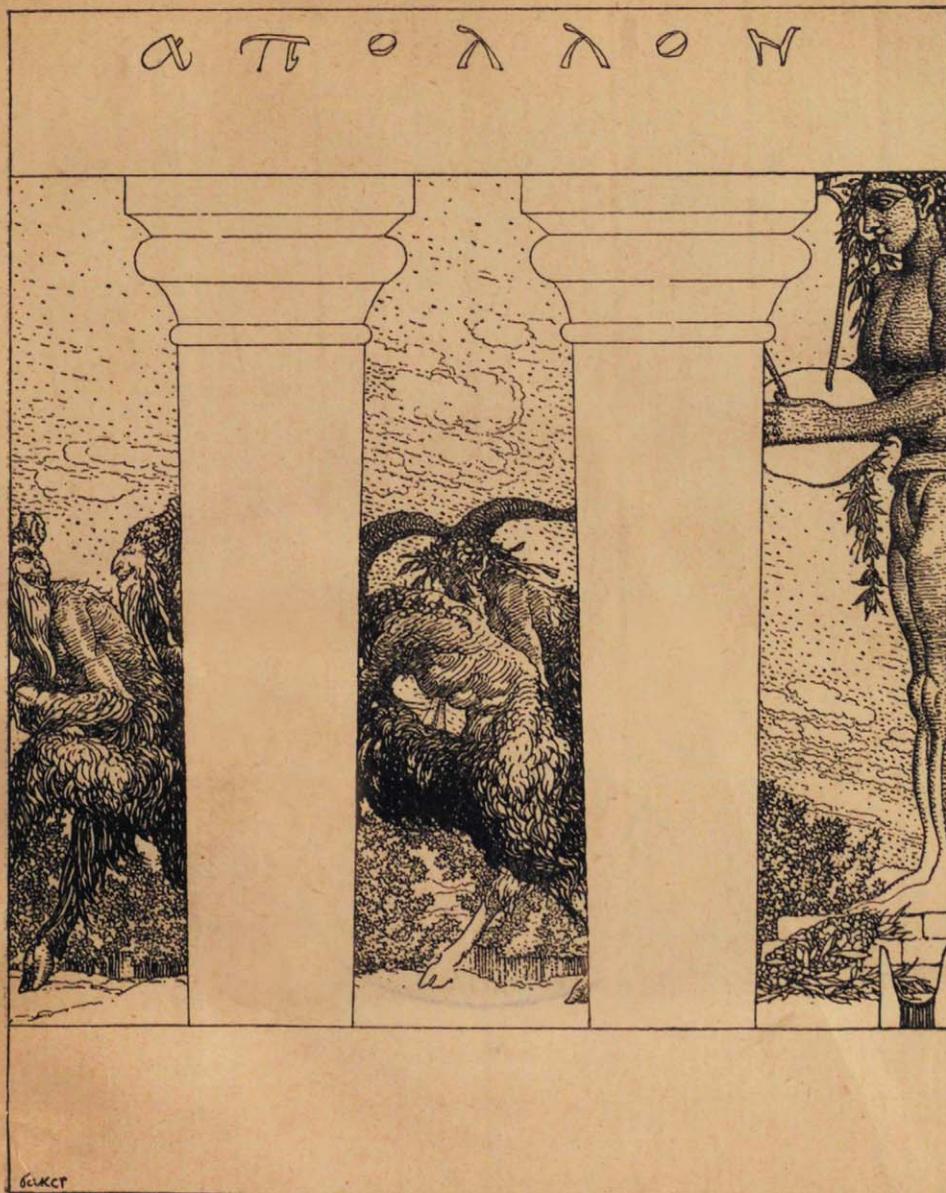
ДВсю первую половину 1909 года тридцатидвухлетний художественный критик и издатель Сергей Константинович Маковский работал над проектом нового журнала, появление которого, как он был уверен, станет совершенно новым словом в русской культуре. Идея возникла еще зимой, сформировавшись в разговорах с Николаем Гумилевым, молодым, талантливым поэтом, только что вернувшимся из Парижа, с которым Маковский познакомился на январской художественной выставке «Салон 1909 года». Новому журналу уже и название было придумано – «Аполлон», и помещение для редакции подобрано – на Мойке, недалеко от дома, где жил великий Пушкин, и, что немало важно, нашлись нужные средства – меценат издания согласился стать купец Михаил Ушаков, друг Маковского и любитель изящных искусств.

ПИСЬМО на ТРАУРНОЙ БУМАГЕ

В августе Маковский заболел ангиной, и работал в своей квартире – читал рукописи, разбирал письма. Одно из них выглядело довольно необычно: написано на бумаге с траурной каймой, пропитано ароматом пряных духов, и запе-

Эскиз титульного листа журнала
«Аполлон».
Худ. Владимир Левинский.

ноябрь 1909

№ 2

Маковский вскрыл конверт. Внутри лежали листочки со стихами, под каждым из которых стояла лишь одна буква «Ч.» и записка, написанная изящным почерком и по-французски. Стихи, беспокойные, глубоко интимные, наполненные изысканными образами, неожиданно цепляли и завораживали...

чатано печатью со словами «*Vae victis!*» – «Горе побежденным!» Заинтригованный Маковский вскрыл конверт. Внутри лежали листочки со стихами, под каждым из которых стояла лишь одна буква «Ч.» и записка, написанная изящным почерком и по-французски.

Стихи, присланные незнакомкой, беспокойные, глубоко интимные, наполненные изысканными образами, неожиданно цепляли и завораживали.

Слева:

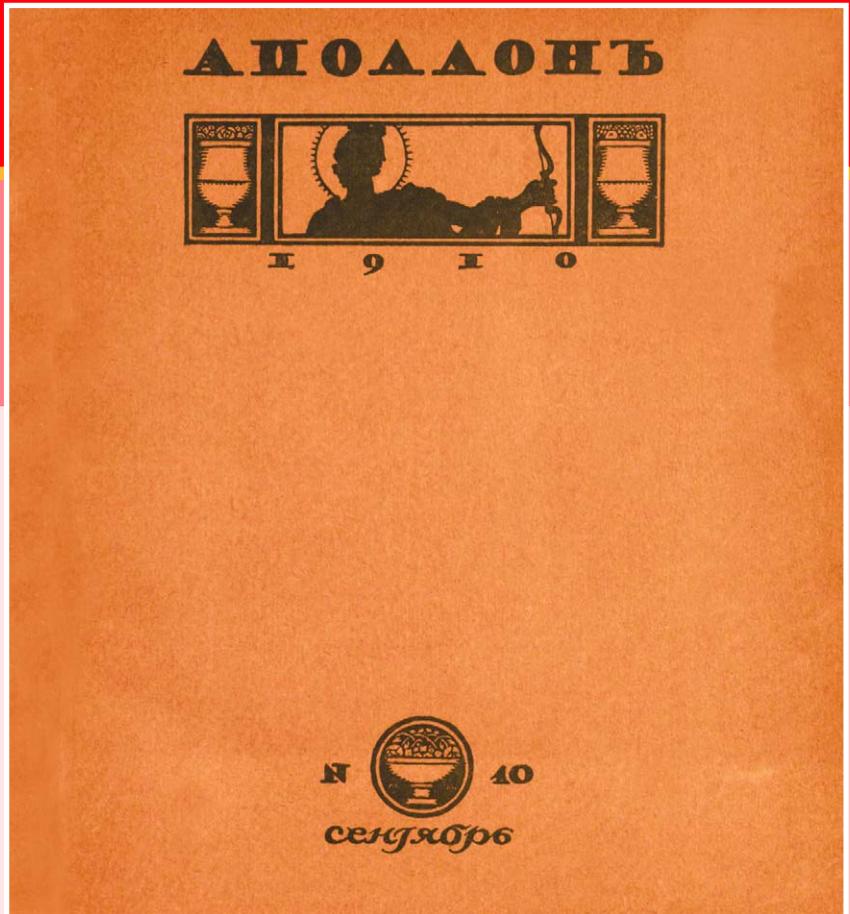
Титульный лист ноябрьского номера журнала «Аполлон» за 1909 г., в котором впервые были напечатаны стихи Черубины де Габриак.

Справа:

Обложка сентябрьского номера журнала «Аполлон» за 1910 г., где были опубликованы последние стихи Черубины де Габриак и единственное стихотворение, подписанное именем Елизаветы Дмитриевой.

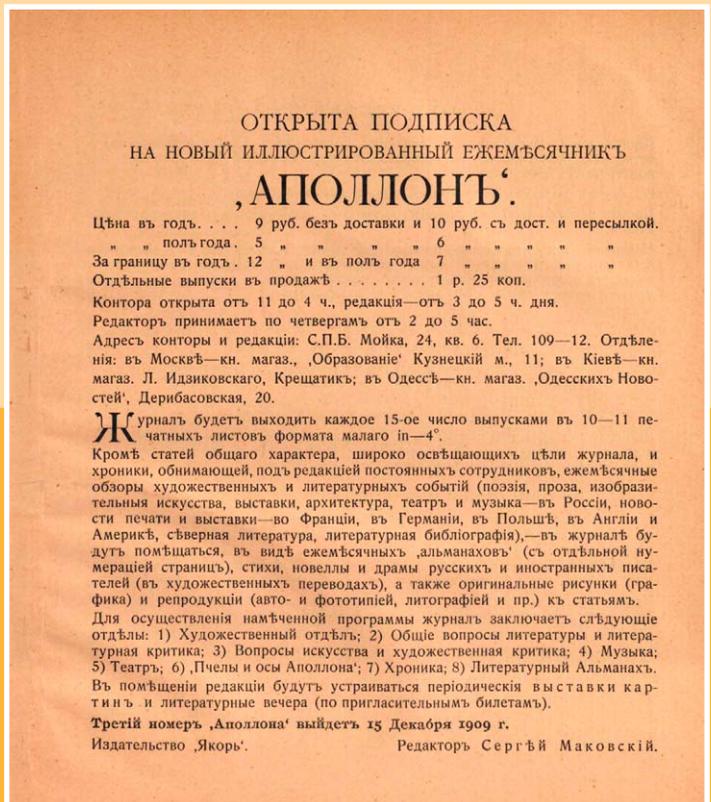
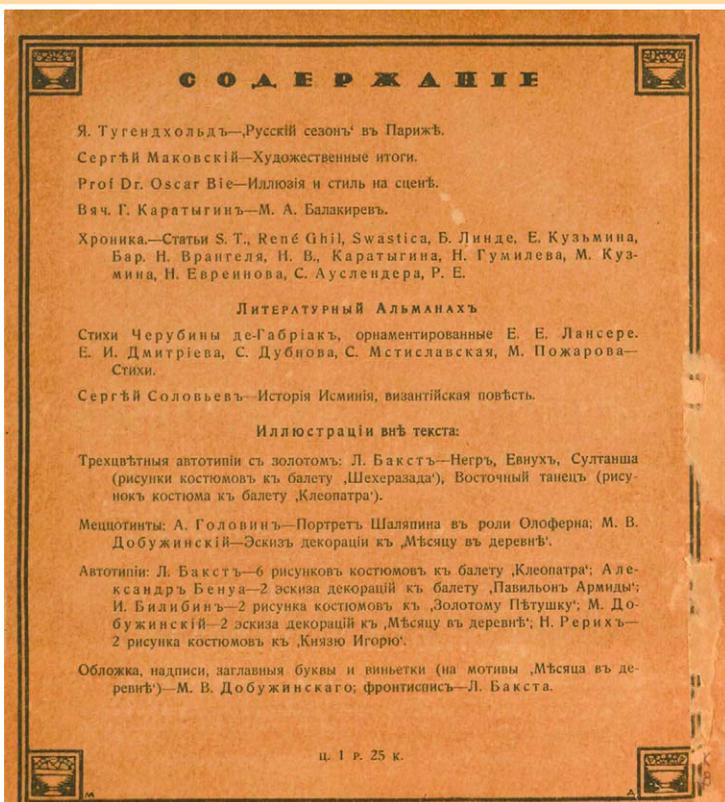
**И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?**

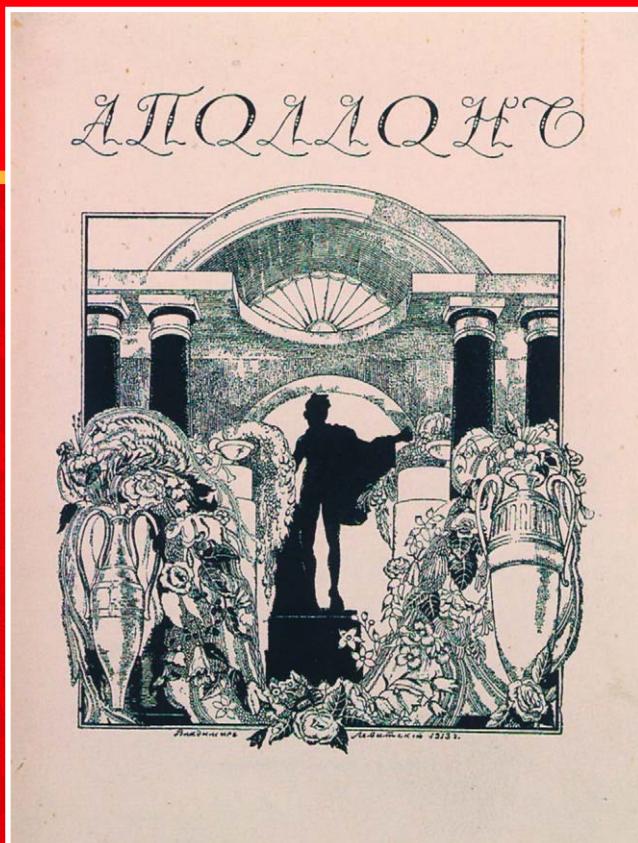
Маковский был восхищен, и решил непременно напечатать стихи в «Аполлоне». Об авторе, увы, пока ничего не было известно, но Сергей Константинович не сомневался, что сумеет разыскать поэтессу. Через несколько дней она объявилась сама, позвонив по телефону. Нежный, слегка капризный голос женщины, привыкшей очаровывать

Оглавление на обложке сентябрьского номера журнала «Аполлон» за 1910 г.

Объявление, извещающее о выходе нового журнала «Аполлон».

Фронтиспис журнала «Аполлон», 1913 г.
Худ. Владимир Левинский.

его во время болезни. Стихи понравились всем, но особенно шумно восхищался творчеством Черубины Максимилиан Волошин.

Постепенно стало известно следующее. Женщина с удивительным именем была восемнадцатилетней рыжеволосой красавицей, испанкой-католичкой, воспитанной в монастыре, и жила почти затворнически с отцом-деспотом. Очевидно, что она была богата, умна и хорошо образована, а ее религиозные стихи с налетом экзальтации и эротики, были созвучны ощущениям большинства поэтов века, получившего образное название «серебряного».

Стихи Черубины де Габриак были напечатаны в журнале «Аполлон», и вскоре Черубина захватила умы всего поэтического Петербурга, только о ней и говорили. Поэты и художники терялись в догадках, кто же на самом деле эта таинственная незнакомка. Предполагаемые образы были один прекрасней и романтичней другого. Марина Цветаева, вспоминая о том времени, осень 1909 года назовет эпохой Черубины де Габриак. Лишь поэтесса Елизавета Ивановна Дмитриева, у которой часто собирались к вечернему чаю «аполлоновцы», позволяла отпускать колкости в адрес загадочной незнакомки и вышучивать ее мистические стихи в пародиях. Сам Маковский у Дмитриевой не бывал, но пародии ему передавали, и он не мог не признать их не остроумными. Впрочем, все понимали: Дмитриева, чьи стихи в «Аполлоне» были отвергнуты, просто завидует блистательной Черубине.

Правда, Лиля, как звали домашние Елизавету Ивановну, была умна и прекрасно обра-

и повелевать, принадлежал той самой загадочной поэтессе.

Сергей Константинович предложил ей прислать, все, что написано для публикации в журнале.

Незнакомка откликнулась, и вскоре в редакцию доставили целую тетрадь новых стихов, наполненных грустью, тревогой, предчувствием беды, раздвоенностью. Но более, чем стихи, Маковского заинтересовала незнакомка, скрывавшаяся под несколько претенциозным псевдонимом «Черубина де Габриак».

Маковский показал рукопись ближайшим сотрудникам Иннокентию Анненскому, Вячеславу Иванову, Николаю Гумилеву и Максимилиану Волошину, навещавшим

Предполагаемые образы были один прекрасней и романтичней другого. Марина Цветаева, вспоминая о том времени, осень 1909 г. назовет эпохой Черубины де Габриак. Лишь поэтесса Елизавета Ивановна Дмитриева, у которой часто собирались к вечернему чаю «аполлоновцы», позволяла отпускать колкости в адрес загадочной незнакомки и вышучивать ее мистические стихи в пародиях.

Эскиз титульного листа журнала «Аполлон». 1911 г.
Худ. Николай Ремизов.

зована, окончила полный курс Женского Императорского Педагогического института, слушала лекции в Петербургском университете по испанской литературе и старо-французскому языку, одно время училась в Сорбонне. Но может ли женщина, чья жизнь протекает в рамках скучной обыденности преподавательницы приготовительного класса женской гимназии, с жалованием в одиннадцать с половиной в месяц, не испытывать зависти к необыкновенной судьбе прекрасной испанки?

СТРАДАНИЯ РАРА МАКО

Аристократически сдержанный Сергей Константинович, или как его называли, *Rara Maко*, был буквально одержим мыслями о Черубине. Игра с письмами и звонками разжигала его воображение. Он искал встреч, но Черубина с упорно отказывалась, лишь время от времени присылала новые стихи, и звонила по телефону. Почти с детским простодушием он делился с Максимилианом Волошиным своими переживаниями, показывая Волошину письма Черубины и повторял: «Какая изумительная девушка!»

Порой Черубина вела себя как опытная кокетка. Она то говорила Маковскому, что

будет вечером в театре, и он, как мальчишка бежал в оперу, чтобы угадать в какой ложе сейчас красавица. То обещала ехать кататься на острова, и когда Маковский рассказывал ей о том, что видел и узнал ее в какой-то знатной даме, смеялась и говорила, что то была другая женщина.

Как-то Черубина сказала, что уезжает на две недели в Париж, намекнув, что собирается постричься в монахини. В другой раз заболела, и Сергей Константинович сходил с ума от беспокойства, утешаясь лишь тем, что камердинер Черубины по телефону подробно докладывал о ходе болезни. Он и сам был серьезно поражен любовным недугом, и, по его собственному выражению, «дышал письмами Черубины». Он посылал Черубине корзины цветов, и ежедневно писал письма, каждое слово которых выверял, давая для прочтения Максимилиану Волошину. Тот помогал с готовностью, и Маковский начал называть Волошина своим Сирано.

«Мой роман» продолжался, заманивая меня все глубже в омут безысходной мечты», – будет вспоминать позже Маковский. Но любовная лихорадка прервалась мучительно больно, когда открылась правда о Черубине.

Издатель «Аполлона» Сергей Константинович Маковский. Фотография 1909-1910 г.

КОКТЕБЕЛЬСКИЙ ПИГМАЛИОН

Характер Черубины, ее жизнь и родственные связи стали обрастать громоздкими подробностями, детали путались. И если влюбленный Сергей Константинович не замечал несоответствия, то Черубина страдала от раздвоенности личности. Ее начали преследовать кошмары и видения, ей казалось, что она живет не своей жизнью...

Впрочем, так и было на самом деле. Ибо Черубиной была та самая простоватая, полноватая учительница Елизавета Дмитриева, с удивлением следившая за сокрушительным успехом своих собственных стихов, подписанных вычурным псевдонимом.

Затеял же эту мистификацию Максимилиан Волошин, то ли желая помочь девушке в публикации стихов, то для забавы – поэтический бомонд Серебряного века любил веселые розыгрыши. Особенно развлекало Волошина, что именно его *Papa Mako* сделал своим доверенным лицом в переписке с Черубиной, не догадываясь, что письма, которые он получал от нее, были писаны той же рукой.

Черубина «родилась» весной 1909 года в Коктебеле, куда Елизавета, Лиля, как звали ее домашние, приехала с Николаем Гумилевым. Остановились у Волошина, бродили по берегу, пили душистое домашнее вино, читали стихи, говорили о будущем журнале, затеянном Маковским, к которому и Волошин и Гумилев имели прямое отношение.

**Ты мне лгала. Но я горел тобою,
и твой обман я испустил тоскою
безумных грез, восторга и стыда.
Ты мне лгала, но я поверил чуду,
но я любил, и слез я не забуду,
которых ты не знала никогда.**

Сергей Маковский. «Наваждение».

Как-то Черубина сказала, что уезжает на две недели в Париж, намекнув, что собирается постричься в монахини. В другой раз заболела, и Сергей Константинович сходил с ума от беспокойства, утешаясь лишь тем, что камердинер Черубины по телефону подробно докладывал о ходе болезни. Он и сам был серьезно поражен любовным недугом, и, по его собственному выражению, «дышал письмами Черубины».

Портрет Н.С. Гумилева. 1909 г.
Худ. Ольга Делла-Вос-Кардовская.
Государственная Третьяковская галерея.

Волошину стихи Елизаветы нравились, и он считал их вполне пригодными для публикации в «Аполлоне», хотя и был убежден в том, что приняты они не будут. Елизавета никоим образом не соответствовала поэтическому идеалу творцов журнала Серебряного века, по словам Маковского, бредившего красотой. Дмитриева же была простовата, полновата, и к тому же в детстве переболела туберкулезом костей, после которого на всю жизнь осталась болезненной и хромой. Тогда Волошин и придумал образ загадочной незнакомки, дамы из высшего общества, испанки, тоскующей по прекрасной и далекой родине, страстной католички, любившей Христа. Особой же привлекательности Черубине придавала сладкая, чарующая порочинка.

**Люби меня. Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче.
Я, как миндаль, смертельна и горька,
нежней чем смерть, обманчивей и горче.**

Черубина де Габриак. 1909 г.

О необычном имени – Черубина – сохранился рассказ Волошина, записанный в 1930 году московским библиографом Татьяной Борисовной Шанько:

«Лия писала в это лето милые простые стихи, и тогда-то я ей и подарил черта

Петербург. Дворцовый мост. 1906 г. Фотография Карла Буллы.

Петербург.
Летний сад. 1906 г.
Фотография Карла
Буллы.

Габриака, которого мы в просторечии звали «Гаврюшкой». Но для аристократичности чорт обозначил свое имя первой буквой, в фамилии изменил на французский лад окончание и прибавил частицу «де»: Ч. де Габриак. Впоследствии «Ч.» было раскрыто. Мы долго ломали голову, ища женское имя, начинающееся на Ч., пока, наконец, Лиля не вспомнила об одной Брет-Гартовской героине. Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины».

Лето в Коктебеле ознаменовалось не только перевоплощением Елизаветы Дмитриевой в Черубину. Девушка полюбила. «Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе: его, меня и М. Ал. – потому что самая большая любовь моя в жизни, самая недостижимая, это был Максимилиан Александрович». Если Н. Ст. был для меня цветением весны, «мальчик», мы были ровесники, но он всегда казался мне младше, то М. А. для меня был где-то вдали, кто-то никак не могущий обра-

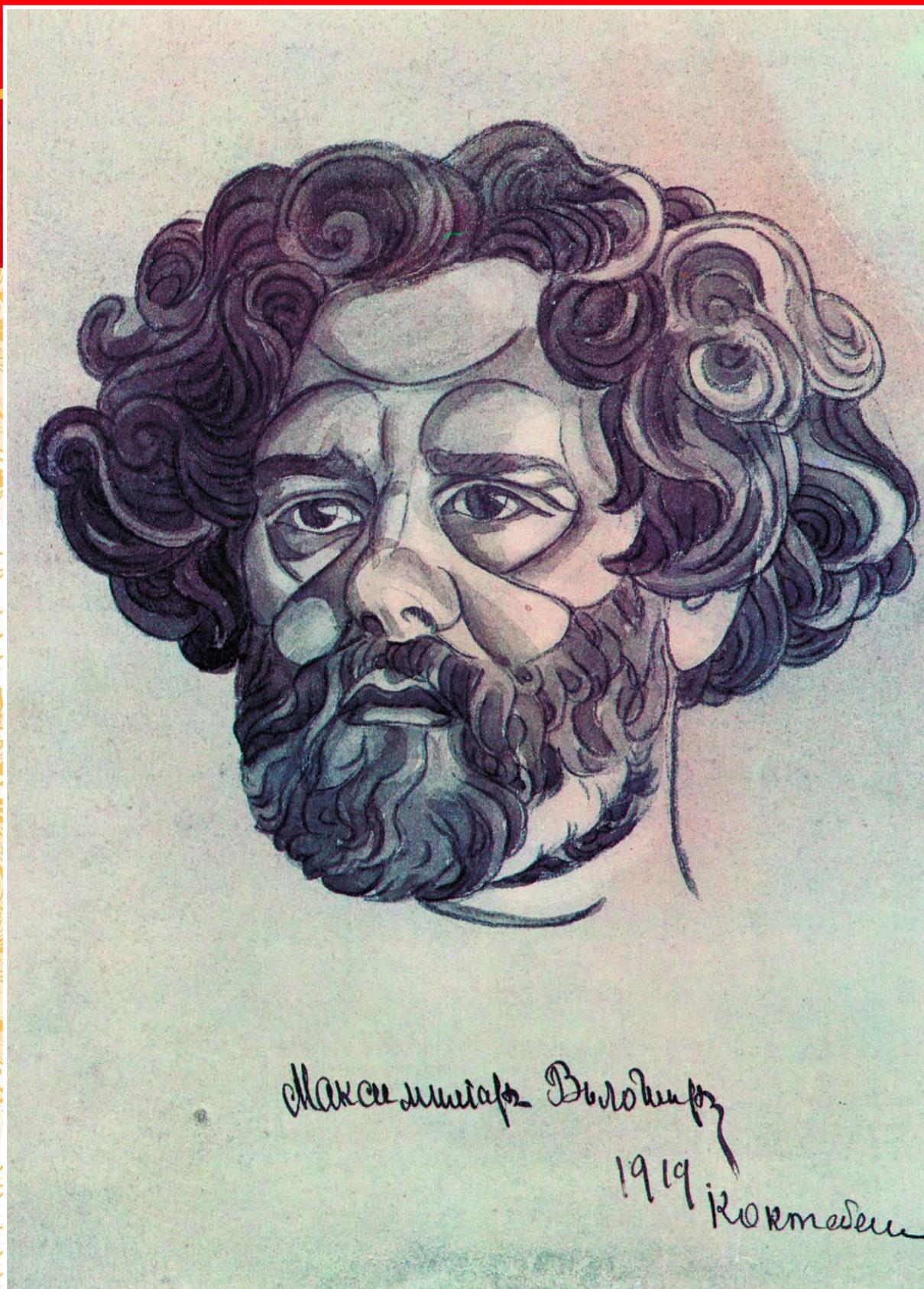

Эскиз Мстислава Добужинского для вывески литературно-художественного кабаре «Бродячая собака», в названии которого был обыгран образ художника как бесприютного пса.

«...сводчатые комнаты «Собаки», заволоченные табачным дымом, становились к утру чуть волшебными, чуть «из Гюфмана». На эстраде кто-то читает стихи, его перебивает музыка или рояль. Кто-то ссорится, кто-то объясняется в любви». Георгий Иванов. «Петербургские воспоминания».

Натюрморт. →
Худ. Александра Эстер. 1912 г.

тить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую. Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор!», – напишет она о мучительном любовном треугольнике в «Исповеди», которую разрешила опубликовать лишь после своей смерти.

И все же роман с Гумилевым, с которым еще недавно собиралась провести лето, прервала и попросила его уехать.

Впрочем, окончательно точка в этой истории будет поставлена лишь полгода спустя...

Слева:
Максимилиан Волошин. Автопортрет.
1919 г.

Справа:
На террасе у дома Волошина
в Коктебеле. 1909 г.
Собрание Дома-музея М. А. Волошина.

ВТОРАЯ ДУЭЛЬ на ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

В поэтическом Петербурге сделалось просто неприличным не быть влюбленным в загадочную Черубину. Не избежал этой участи и Гумилев, не подозревая, что эта мифическая особа – та самая Лиля с которой они познакомились в 1907 году в Париже, в мастерской художника Гуревича, а после, кажется, посидели немного в каком-то парижском кафе. Два года спустя, уже в Петербурге, у них начался стремительный, короткий, всего в несколько месяцев, роман, закончившийся для Гумилева преждевременным отъездом из Коктебеля, когда Гумми, как называла его Дмитриева, сделал ей предложение. Лилия тогда отказала, у нее был официальный жених – инженер Васильев, но это было лишь отговоркой, истиной причиной был Волошин.

Вот и вся история, нашедшая неожиданное продолжение уже в Пе-

тербурге. В «аполлоновских» кругах возникли слухи, что Гумилев довольно грубо отзывался о своей связи с Дмитриевой. Так ли это было на самом деле, сказать наверняка нельзя,

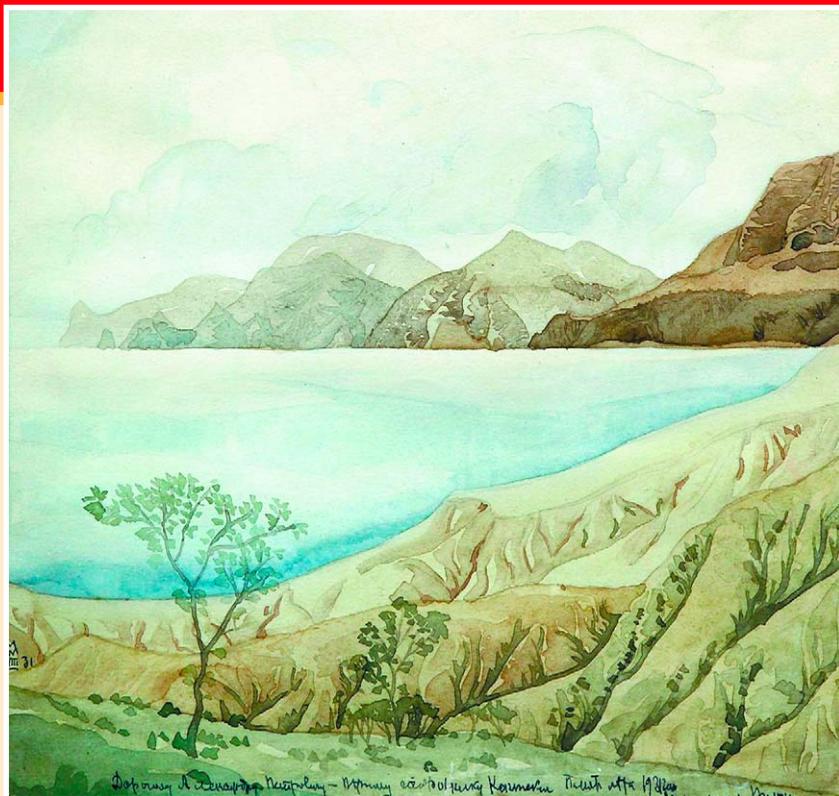
В «аполлоновских» кругах возникли слухи, что Гумилев довольно грубо отзывался о своей связи с Дмитриевой. Так ли это было на самом деле, сказать наверняка нельзя. Но когда этот слух дошел до Волошина, он посчитал своим долгом вмешаться.

слишком по-разному вспоминают происшедшее современники. Но когда этот слух дошел до Волошина, он посчитал своим долгом вмешаться – в мастерской художника Головина, располагавшейся при Мариинском театре, в присутствии многих людей, Максимилиан Волошин дал Гумилеву пощечину. Далее – дуэль – закон жанра требовал эффектного выяснения отношений.

«На другой день рано утром мы стрелялись за Новой Деревней возле Черной речки, если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то во всяком случае современной ему. Была мокрая, грязная весна, и моему секунданту Шервашидзе, который отмеривал нам 15 шагов по кочкам, пришлось очень плохо. Гумилев промахнулся,

У моря.
Фотографии начала XX в.

Из коктебельских акварелей
Максимилиана Волошина. 1912 г.

у меня пистолет дал осечку. Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, боясь, по неумению стрелять, попасть в него. Не попал, и на этом наша дуэль окончилась. Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались. После этого я встретился с Гумилевым только один раз, случайно, в Крыму, за несколько месяцев до его смерти. Нас представили друг другу, не зная, что мы знакомы: мы подали друг другу руки, но разговаривали недолго: Гумилев торопился уходить.» (Из рассказа Волошина о Черубине де Габриак, записанного в Коктебеле Т. Б. Шанько летом 1930 года)

По счастью, имя Черубины не омрачилось пролитой кровью. Может быть потому, что там, где погиб великий поэт – не место для декадентского лицедейства.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

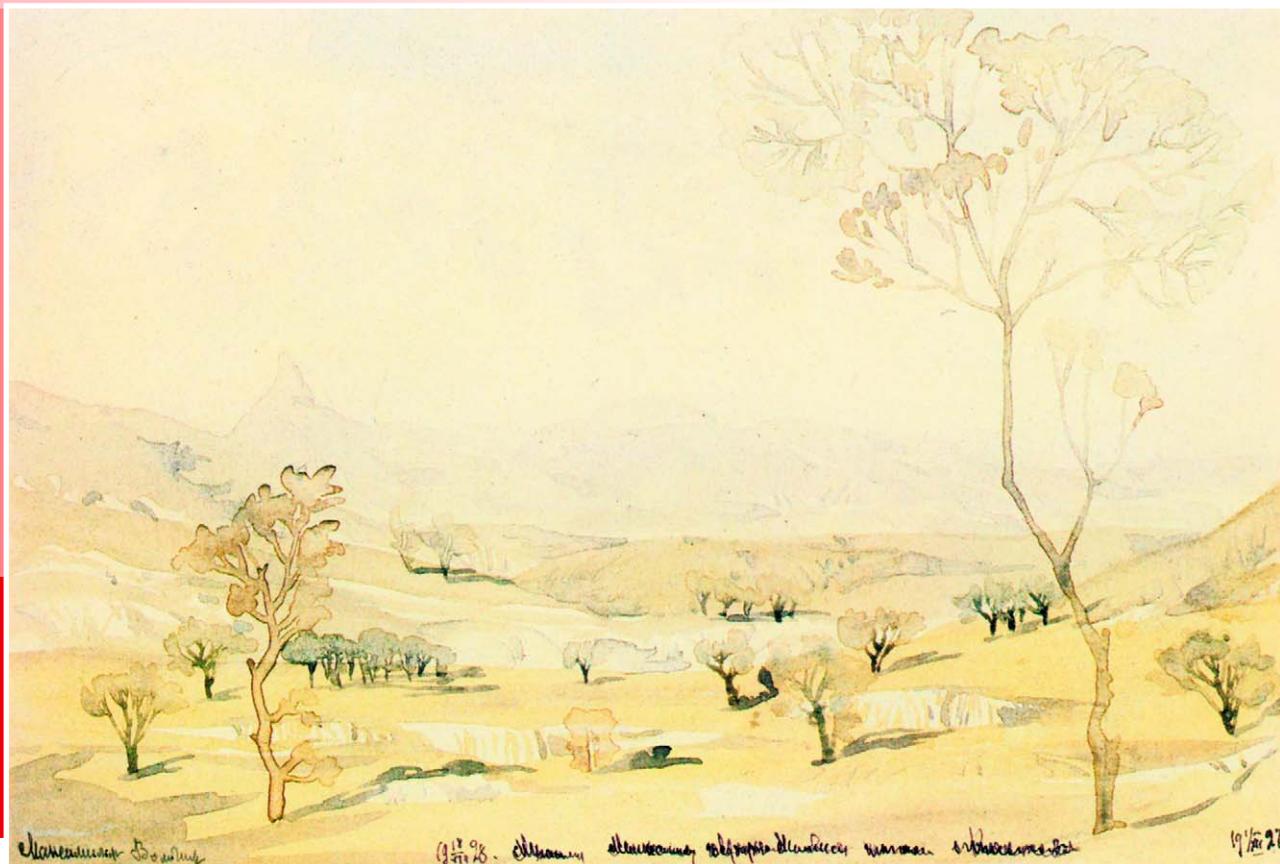
Мифическая поэтесса получала корректуры с золотым обрезом и кор-

«Акварели М. А. похожи на жемчужины и на самые нежные работы японских мастеров. Если в его теперешних стихах – весь целиком его дух, то в его акварелях осталась его душа, которую мало кто угадывает до конца...»

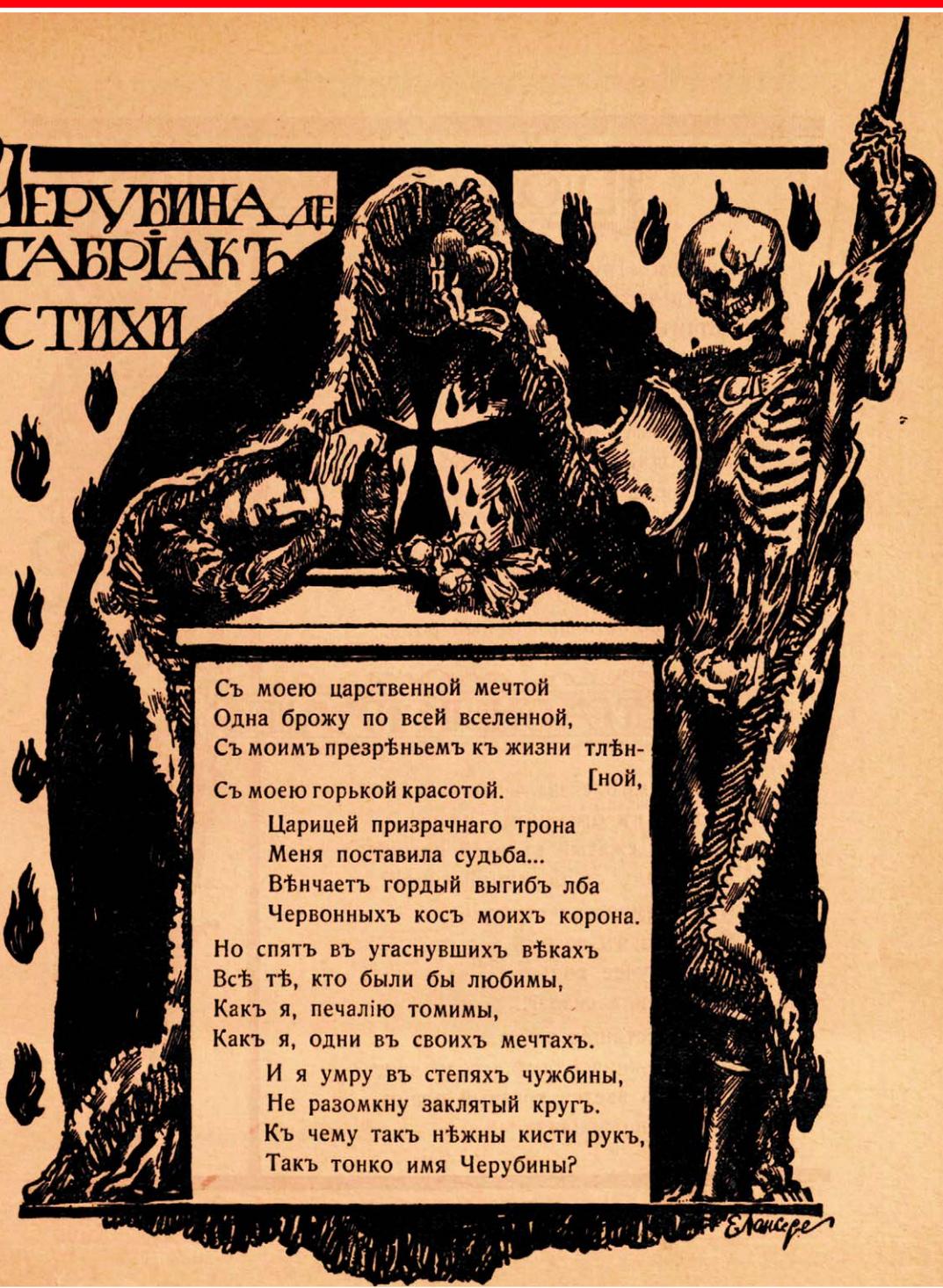
Е. И. Дмитриева – Васильева. Автобиография.

Внизу:

Из коктебельских акварелей Максимилиана Волошина. 1927 г.

ЧЕРУБИНА де ГАБРИАКЪ СТИХИ

Съ моею царственной мечтой
 Одна брожу по всей вселенной,
 Съ моимъ презрѣньемъ къ жизни тлѣн-
 [ной,
 Съ моею горькой красотой.

Царицей призрачнаго трона
 Меня поставила судьба...
 Вѣнчаетъ гордый выгибъ лба
 Червонныхъ косъ моихъ корона.

Но спятъ въ угаснувшихъ вѣкахъ
 Всѣ тѣ, кто были бы любимы,
 Какъ я, печалию томимы,
 Какъ я, одни въ своихъ мечтахъ.

И я умру въ степяхъ чужбины,
 Не разомкну заклятый кругъ.
 Къ чему такъ нѣжны кисти рукъ,
 Такъ тонко имя Черубины?

Потеря чувства меры превратила невинный водевиль в грубый фарс, все участники которого выглядели недостойно. Над Маковским давно посмеивались. Дмитриева страдала от собственной непризнанности и успеха Черубины, «сладко ненавидя» своего двойника.

Стихи Черубины де Габриак в журнале «Аполлон», 1910, № 4. Рисунок Евгения Лансере.

зины цветов от влюбленных в нее поэтов. Все сотрудники журнала мечтали увидеть таинственную Черубину. Она же – мечтала скрыться. Потеря чувства меры превратила невинный водевиль в грубый фарс, все участники которого выглядели недостойно.

Е. И. ДМИТРИЕВА

ВСТРЪЧА

,Кто ты, Дѣва?—Звѣрь и птица.
 ,Какъ зовуть тебя?—Узнай!
 Ходить ночью Леядница,
 Съ нею бѣлый горностай.

,Ты куда идешь?—Въ туманы.
 ,Ты откуда?—Я съ земли.
 И метелей караваны
 Вьюги къ югу понесли.

,Ты зачѣмъ пришла?—Хотѣла.
 ,Что несешь съ собой?—Любовь.
 Гибко, радостно и смѣло
 Поднялись метели вновь.

,Гдѣ страна твоя?—На югѣ.
 ,Кто велѣлъ придти?—Сама.
 И свистять, какъ змѣи, вьюги,
 Въ ноги стелется зима.

,Что-жь ты хочешь?—Сновъ и снѣга.
 ,Ты надолго-ль?—Навсегда.
 Надъ снѣгами блещетъ Вега,
 Льдисто-бѣлая звѣзда.

Над Маковским давно посмеивались. Дмитриева страдала от собственной непризнанности и успеха Черубины, «сладко ненавидя» своего двойника, хотя именно она сделала ее знаменитой. Не приносили радости и запутанные любовные отношения, мучило данное слово инженеру Васильеву, который уже несколько лет официально считался ее женихом. И только один Волошин с упоением продолжал начатую игру.

Разоблачение Черубины произошло вскоре после дуэли. О том, что за псевдонимом Черубина де Габриак скрывается учительница Дмитриева, Маковскому рассказал Кузьмин.

Он же дал ее телефон. Маковский позвонил, сухо предложил встретиться и объяснить, что договорились сделать не откладывая.

Но лучше дать слово самому Сергею Константиновичу, описавшему эту встречу в мемуарах «На Парнасе Серебряного века»:

«Было десять вечера, когда раздался ее звонок. Я стал прислушиваться к шагам горничной, побежавшей на звонок в переднюю, затем к ее, Черубининым, шагам... Сердце мое стучало. В эту минуту судьба произносила свой приговор, в душе с самого затаенно-дорогого срывался покров.

Дверь медленно, как мне показалось, очень медленно растворилась, и в комнату вошла, сильно прихрамывавая, невысокая, довольно полная темноволосая женщина с крупной головой, вздутым чрезмерно лбом и каким-то поистине страшным ртом, из которого высывались клыкообразные зубы. Она была на редкость некрасива. Или это предстало мне так, по сравнению с тем образом красоты, что я выносил за эти месяцы? Стало почти страшно. Сон чудесный канул вдруг в вечность, вступала в свои права неумолимая, чудовищная, стыдная действительность. И сделалось до

Слева:

Единственное стихотворение Елизаветы Дмитриевой, вышедшее под ее собственным именем в журнале «Аполлон», 1910, № 4.

Справа:

Уголок Петербурга. Худ. Мстислав Добужинский. 1904 г.

слез противно, и вместе с тем жаль было до слез ее, Черубину...»

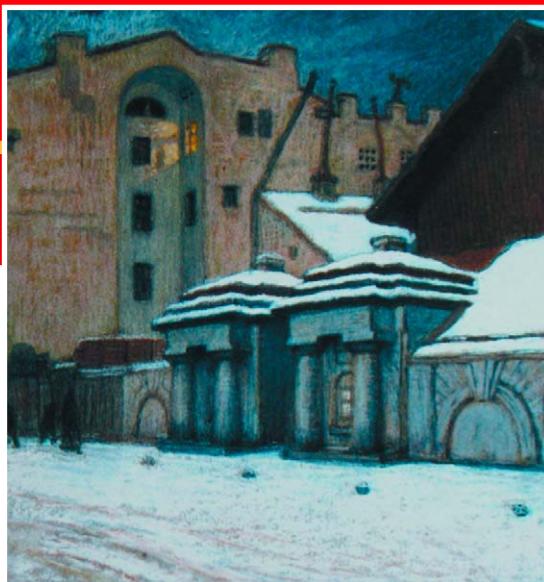
ОСТАЛИСЬ ЛИШЬ ПРИЗРАКИ

Раскрытие загадки испанки Черубины потрясло весь литературный Петербург.

Скандальная дуэль между двумя поэтами, сплетни о дуэли в газетах, называвших ее «смехотворной», обидное прозвище «Вакс Калошин», придуманное поэтом Сашей Черным Волошину, которого за эту дуэль осуждали практически все друзья. Добавить к этому «разоблачение Черубины», разрыв с Гумилёвым и Волошиным, разочарование Маковского, которое он не смог скрыть в их единственную встречу, и окажется ноша почти не подъемная. Свалившиеся на нее беды Елизавета Дмитриева пережила тяжело.

«Только теперь, оглядываясь на прошлое, я вижу, что Н. С. отомстил мне больше, чем я обидела его. После дуэли я была больна, почти на краю безумия. Я перестала писать стихи, лет пять я даже почти не читала стихов, каждая ритмическая строчка причиняла мне боль; – я так и не стала поэтом – передо мной всегда стояло лицо Н. Ст. и мешало мне. Я не смогла остаться с Макс. Ал. – В начале 1910 г. мы расстались, и я не видела его до 1917 (или 1916-го?). Я не могла остаться с ним, и моя любовь и ему принесла муку. А мне? До самой смерти Н. Ст. я не могла читать его стихов, а если брала книгу – плакала весь день. Эти две встречи всегда стояли передо мной и заслоняли всё: а я не смогла остаться ни с кем. И это было платой за боль, причиненную Н. Ст.: у меня навсегда были отняты и любовь и стихи. Остались лишь призраки их...»

(Елизавета Дмитриева. «Исповедь»)

После революции Дмитриева работает в сценарном отделе детского театра, занимается переводами с испанского и старофранцузского. В 1920-е Дмитриева, тогда уже Васильева по мужу, (она все-таки вышла замуж за жениха-инженера, влюбленного в нее с детства!) попадает под пристальное внимание ГПУ как участница «Антропософского общества». В 1927 году в доме Дмитриевой производится обыск, во время которого забирают её книги и архив, а саму поэтессу высылают в Ташкент на три года.

В своей «Исповеди» призналась: *«Похоронив Черубину, я похоронила себя и никогда уж не воскресну»*. Но поэтический дар заставил ее еще раз испытать чудесные мгновения свободы, которые дарило ей чужое имя. По предложению близкого друга последних лет, Китаиста и переводчика Юрия Щуцкого, Елизавета создает еще одну литературную мистификацию – цикл семистиший «Домик под грушевым деревом», написанных от имени *«философа Ли Сян Цзы»*.

Несколько месяцев спустя, в 1928 году Елизавета Дмитриева скончалась от рака печени в ташкентской больнице, не дожив до конца ссылки. Ей было всего сорок один год. Жизнь Елизаветы оказалась столь же коротко сгоревшей, как и судьба Черубины.

В 1920-е Дмитриева, тогда уже Васильева по мужу, (она все-таки вышла замуж за жениха-инженера, влюбленного в нее с детства!) попадает под пристальное внимание ГПУ как участница «Антропософского общества».